

Логунова Л.Б.

Семиосфера культуры как управленческий стратегический ресурс

Разве это была жизнь? Хорошо!
Начнем сызнова!

Ф. Ницше

Современное общество живет в ситуации глобального вызова, ревизии существующих методологий ответа, поиска новых управленческих стратегий и тактик. Кризис становится структурообразующим принципом общественной жизни, определяет стиль жизни, существенно преобразуя традиционные смыслообразующие ориентации. Наука и техника как методология ответа на исторический вызов не только не способствуют преодолению кризиса, но в значительной степени являются его источником и генератором. В особой форме эта ситуация проявляется в социальных науках и в управленческой практике. Импортируемые в Россию научные управленческие технологии создают иллюзию практического оправдания управленческих концептов. В российских условиях они либо малоэффективны, либо приводят к непрогнозируемым результатам, усиливающим кризисное состояние современного российского общества. В этих обстоятельствах экспертиза управленческих технологий становится не только актуальной теоретической проблемой, но и насущной практической задачей. Исследователи сферы управления во все большей степени склоняются к необходимости создания новой науки управления, учитывающей прошлый позитивный и негативный управленческий опыт и задачи современной практики управления.

Представляется, что важнейшей составляющей новой науки управления должна стать культурология, которой также необходимо в определенной мере пересмотреть свои основания и методологию. Новая наука управления представляет собой *проектное знание*, основанное на трансдисциплинарном синтезе. При этом существенно меняется ее познавательная установка, предмет и цель исследования. Предметом управленческой науки становится *культурный факт*, которым определяется целостность объекта управления, смысл и значение всех сфер общественной жизни. Управление в отдельной сфере или сегменте общественной жизни малоэффективно вне культурологического контекста. Культурология в таком случае становится важнейшей составляющей и управленческой практики, и управленческой теории, и образования управленцев.

Однако современная управленческая теория и практика предъявляют и к культурологии определенные требования, поскольку классическая научная методология не способна исследовать глубинные характеристики культурных артефактов. В классической культурологии вне исследования оказывается психическая составляющая общества, его душа, сфера смыслов. Без учета семиосферы культуры малоэффективны даже самые передовые наукоемкие инновационные управленческие технологии. Следует понять культуру, для чего необходима специальная деятельность по расшифровке культурных кодов, которыми в значительной мере определяются границы принятия и действия управленческих решений. Понять культуру невозможно без проникновения в глубинные, *архетипические структуры* культурных организмов, которыми задаются смыслы всех формообразований культуры. Культурология, таким образом, превращается в герменевтику смыслов, а *культура предстает как высшая, символическая форма жизни, как общественное производство смыслов*. Во всех культурных образованиях в качестве их явных или неявных компонентов присутствует определенный смысл, который является «переводом» на язык современности архетипов данной культуры. Психоанализ культуры позволяет увидеть за прагматическими артефактами современности глубинные «первосмыслы» (А.Ф. Лосев).

Значение артефактов в жизни человека трудно переоценить. Артефакты культуры удовлетворяют важнейшую культурную потребность человека в смысле, в ценностной ориентации, в культурной идентификации. Поиск смысла жизни - культурный инстинкт человека и «формула» ответа на кризисные ситуации в культуре. *Жизненная энергия, «воля к власти», на уровне культуры трансформируется в «волю к смыслу».* Специфика культуры как символической формы жизни и раскрывается через «волю к смыслу». Различие культур определяется силой «воли к смыслу». В смысловом пространстве культуры аккумулируется энергетика ее «ответа» на исторические «вызовы». Прямым следствием утраты «воли к смыслу» становится деградация культуры, распад общественных связей, неспособность создать мобилизующий социальный проект, неэффективность управленческих решений и технологий власти.

Смыслами эпохи аккумулируется и направляется энергия общества, объединяются реально разобщенные индивиды для реализации общественного проекта. А поскольку культурные смыслы не формулируются однозначно, они пронизывают всю символику культуры, мотивируя индивидуальные выборы, в силу чего общественные цели осознаются индивидами как собственные задачи. Содержанием всех ценностных революций является критика старых и выдвижение новых социальных проектов, новых стратегий и тактик, новой солидаризирующей идентичности. Для понимания сущности кризиса в любой сфере общественной жизни и для выработки адекватных управленческих антикризисных решений необходимо проникнуть в архетипический слой культуры, которым задается базовая модель культурной идентичности, определяются исторические смыслы и поведенческая мотивация.

В архетипах культуры в концентрированной форме зафиксированы опыт (история, судьба) рождения и становления общности в данной культуре, специфика ее первичной, *базовой социальности*. Первичной социальностью, первосмыслами культуры задаются основные сюжетные линии культурной жизни. Идеальная сюжетная схема, безусловно, не реализуется в чистом виде в определенном произведении, поступке или историческом событии. Ею определяются *смыслы* конкретных событий, устанавливается родственность проявляющих друг друга различных феноменов. Через базовый конфликт сюжет культуры переводится на мифологический уровень, тем самым становятся понятными роль и значение антропного фактора в истории, а история открывается с ее психологической стороны. Допонятийная и внерациональная «смысловая сфера» культуры, компонентами которой являются «первоэлементы», «первосимволы» (А.Ф.Лосев), формируется и функционирует до субъект-объектного разделения и представляет реальность особого рода, сферу *бессознательного* в культуре, проявляющуюся во всех видах человеческой деятельности в знаково-символической форме. Глубинные архаические слои коллективной психики определяют восприятие мира человеком и своего места в нем. В семиосфере культуры проявляется и символизируется хронотоп данной культуры, ее уникальный космос, в котором она живет и за пределы которого не может выйти. Мировоззренческими первосмыслами любой культуры являются смыслы пространства, времени, человека. Ими определяются стратегический путь культуры, ее «идея», предназначение, способ бытия, культурный герой, образ жизни, типические перемещения в границах культурного хронотопа. Мыслеобразы, мифологемы коллективных представлений становятся своеобразной культурной «программой» общественной и индивидуальной жизни. Человек принимает смыслы культуры как очевидные, как реальность. «Обойти» мифологему невозможно, мифологема – генотип культуры, ее стиль.

О реальном содержании бессознательного слоя психокультуры можно судить по ее «следам» в различных объективациях, по моделям поведения и функциям всех форм культуры, которые становятся своеобразным кодом культуры, позволяющим расшифровать глубинные первосмыслы. В качестве такого культурного кода можно

использовать, предложенные Ю.Ю. Петруниным неразрешимые задачи, которые культура постоянно ставит на протяжении всей своей истории. Эти неослабевающие стремления решить неразрешимые задачи создают неисчерпаемый источник энергии данной культуры. Именно поэтому неразрешимые задачи представляют смыслообразующее ядро культуры. В новоевропейской культуре неразрешимой задачей является идея *искусственного* разума, модификациями которой становятся авантюристический поиск философского камня и стремление построить вечный двигатель. В перипетиях данного культурного сюжета проступает суть и смысл новоевропейского космоса, императив новоевропейской культуры - *знать, чтобы делать*. Вселенная предстает как *книга*, текст которой зашифрован в комбинаторике незнакомого алфавита. Задача ученого – выучить алфавит и расшифровать коды, обрести тем самым универсальную *власть* над природой, обществом и человеком. Власть превращается в универсальный метод построения реальности и ее контроля. Тем самым человек наследует важнейшую божественную функцию – творчество. Однако неявным смыслом этой задачи становится очищение познания от «идолов» субъективности, а результатом – самоустранение естественного человека как несовершенной «мыслящей машины» из процесса познания и замена его более эффективным и экономичным «мыслящим автоматом». Человек в этом смысловом контексте – инструмент, машина, искусственное существо, принципом самоидентификации которого и методом самопознания становится механизированный космос, природа-машина. Устремленность на создание «универсальных технологий» является культурной мотивацией разработки проекта-ответа на трансформационный вызов модерна. В западной культуре неразрешимые задачи стимулируют творческое, деятельное преобразование мира, в процессе которого создается и сам творец, деятель, инженер, техник. Таким образом, именно эти неразрешимые задачи задают специфическое пространство техногенной цивилизации, в котором достигаются вполне реальные результаты.

Новоевропейские неразрешимые задачи концентрируются в сфере *познания* и создания соответствующей технологии. Это рациональные задачи, задачи для учащихся, школьников. В этом культурном контексте агентом первичной социализации является *школа*. Школа формирует особое со-общество, коллектив индивидов, объединенных общей задачей и общеобязательным распорядком, законом, задающим пространство и меру свободного поиска истины, всеобщего закона. Социальные роли в школьном коллективе распределяются по умению решать интеллектуальные задачи и доказывать истинность полученных результатов. Университет функционирует как способ производства западноевропейского, фаустовского человека (со всеми его позитивными и негативными качествами), ориентирующегося на науку и технику (законы!), как властный метод решения жизненных задач. Картезианский механицизм и рационализм, свобода как познанная необходимость становятся философской концептуализацией нового образа жизни, задают метрику и архитектуру новоевропейского космоса. Природа предстает системой механических законов, государство – системой юридических норм, животное – биологической машиной, человек – мыслящим механизмом. Новоевропейская культура – смысловые вариации на тему машины. Наука, разум, знание осознаются как способ властного утверждения человека в мире, как инструмент общественного прогресса. Идея прогресса, в свою очередь, задает мировоззренческую ориентацию на будущее, оценку настоящего в перспективе будущего, нового. Антиномия «старого» и «нового» бесповоротно решается в пользу нового. Проект Просвещения предстает как альтернатива институту веры, церкви, авторитарности и произволу монархической власти. Тем самым разрушаются несущие конструкты традиционного средневекового космоса. Демократический коллектив ученых, для которых существует лишь авторитет истины,

становится своеобразной матрицей парламента, задача которого заключается в познании и преобразовании природы человека посредством создания совершенной технологии общей жизни, либеральной демократии, общественного договора.

Как же обстоит дело с русской культурой? Для русской культуры такой неразрешимой задачей, в формулировке автора, является стремление-мечта *овладеть* Царьградом. Не создать, не построить, а овладеть, отнять, попросту говоря! Царьград, в таком случае, рассматривается как *сакральный центр* русской культуры и государственности, именно там «русский дух». Тем самым вектор центростремительных перемещений до неразличимости сливается с центробежными устремлениями культурного героя, человека, как известно, в России «лишнего», а разлад между умом и сердцем становится его отличительной характеристикой. «Святая Русь» в авторской интерпретации предстает как идеальная модель обустройства русской культуры, как система культурных координат русского Космоса.

В неразрешимых задачах русской культуры проявлен отличный от западного культурный архетип, и соответственно иные принципы культурной идентичности. Неослабевающее стремление прибить щит на воротах Царьграда позволяет расшифровать доминирующий архетип русской культуры, принципы первичной идентификации, проникнуть в довербальные смыслы отечественного мифа. Первичной социальностью и агентами социализации в русской культуре предстает *группа сверстников*, цели которой и методы их достижения существенно отличаются от школы. Способ бытия этой социальности – игра (часто весьма жестокая и опасная). Игрой задается и организуется особое культурное пространство и время, особая атмосфера резких и быстрых перемен, подъемов и падений, которые переживаются и оцениваются специфическим способом.

Дать классическое логическое определение игры в силу многообразия игровых типов и сюжетов чрезвычайно сложно, а практически невозможно. Однако за метаморфозами игровых сюжетов скрываются устойчивые структуры, структурообразующие принципы, которыми и объясняется значимость игры в культуре. В игре создается культурная позиция, определяющая типы сознания и поведения, игра – форма организации, посредством которой реализуется любая концепция реальности. При этом осознание собственного действия в качестве игрового у субъекта игры может отсутствовать. В игре меняется семантика привычного мира, создается контркультурная реальность. Игра – пространство свободы и источник творчества. Участие в игре, игровые страсти и переживания придают игре субъективно-индивидуальный смысл, создают внутреннюю установку на игровое отношение, которая защищает нашу психику от притязаний неигрового мира. Игровой хронотоп создается отношениями людей друг к другу и структурирует их. Игровое пространство, созданное силой воображения, дает возможность «человеку играющему» проиграть любую роль или отказаться от нее. В любой ситуации человек играет «себя-другого». Игрообразующей мотивацией является свободный выбор любых возможностей без необходимости их реализации, превращения в реальность. В игре формируется альтернативная контркультура, таким образом игра превращается в сжатую универсальную форму жизни и исторического процесса. По образу и подобию игры выстраивается все многообразие отношений в реальности. Мотивом человека играющего является намерение спрятаться от реальности. В игре снимаются все препятствия. Игра становится превращенным способом самореализации индивида.

Цель игры – победа (не действительная, а весьма условная), а метод – агрессия, сила, хитрость, сноровка, смекалка, удача. Со-общество индивидов-игроков представлено временной командой, правила игры и распределение ролей в которой определяются ситуацией и характером действующих лиц, а не определенной целью, задачей и методом (правилами, законом). Игра проявляется в соперничестве и

состязательности, свобода, азарт удачи формируют особое напряженное состояние психики. Победа в игре зависит от игроков, от их индивидуальных действий в команде. Социальные роли существуют, но они не четко сформулированы и не распределены. В силу этого русская культура ориентирована на экстремальные ситуации, а не на спокойное (обывательское!) существование, скучное сидение за партой. В игре формируются жизненно важные потребности, способы их осознания и удовлетворения, статусы, методы их достижения и критерии оценки. Игрой воспитываются и закрепляются архетипические черты русского характера: стремление к *свободе*, умение ориентироваться в нестабильной ситуации, в ситуации риска, способность к концентрации усилий и мобилизации любых ресурсов. Игры - командные, правила создаются командой, роли распределяются в зависимости от характера действующих лиц.

Игра – творчество собственной Я-концепции, игра Я-концепциями, «Я-сам». Игра – самодостаточна, иллюзорна. В ней отсутствуют события, как реальность совместной, организованной целедостигаемой деятельности. Цель игры – сама игра. В игре – «все можно». Виртуальный игровой хронотоп придает сомнительность и несерьезность любым социальным действиям, создает ощущение, что человек больше, чем правила и имена. Игровой хронотоп представлен метафорой «вечного возвращения».

В контексте культуры игра приобретает субстанциональный, онтический смысл, становится способом самопонимания и самопрезентации человека, методом понимания им мира, принципом объяснения всех реальных феноменов. В игровом сознании проявляется интуиция стихийности бытия, неустойчивости, иллюзорности онтического порядка, энергетичности, текучести, процессуальности, становления как основы бытия.

Внешним мотивом и причиной становления и доминирования в культуре игрового отношения к миру являются условия жизни, история культуры. Причиной возникновения и доминирования игрового паттерна в русской культуре является насильственная христианизация, разрушение родового мифа.¹

Игровым хронотопом русской культуры производится определенный культурный тип человека и определенный тип коллективности. Жизненные смыслы «человека играющего» существенно отличаются от серьезного деятельно-преобразующего отношения к миру. Русский человек мало озабочен земными делами, его влечет духовное (беззаботное), игровое. Стихия игры (несерьезность, безответственность) задает паттерн идентификаций, проникает во все формы русской жизнедеятельности: в язык, быт, политику, экономику. Русская душа мало, чем дорожит, мало, к чему привязана, способна на радикальные эксперименты, нет понимания ценности жизни и инстинкта самосохранения. По замечанию Н.А. Бердяева, русская стихийная душа не знает границ и форм жизни, странствует по бесконечным равнинам Русской земли. Стихией игры порождено глубоко национальное явление - беспокойное и мятежное русское скитальчество, *странничество*. Культурное пространство России – бездорожье, русский культурный тип, культурный герой – *странник*, искатель приключений. Риск, неустойчивость, катастрофа становятся бытом, жизненной нормой и потребностью. Странничество и есть образ жизни в русской культуре. Странники не мотивированы на созидание устойчивых структур. Всякая определенность, порядок переживается ими как принуждение, несвобода. «Вольница», «бегство в свободу», «бунт» (бессмысленный и беспощадный!), неприятие и разрушение порядков – основные сюжеты русской культуры. На упорное созидание и поддержание порядка творческой энергии игры не хватает. Отсутствие порядка переживается как индивидуальная свобода. Все стройки Русского дома заканчиваются на уровне

¹ Более подробно в статье: Логунова Л.Б. О пользе и вреде утопии для управления // Вестник Моск. Ун-та. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2006. № 4.

котлована, энтузиазм строительства воплощен в бесконечных, масштабных (вселенских) проектах-мечтах либо о сносе старого дома, либо об очередном евроремонте.

Таким образом формируется *политический* характер как психическая доминанта русской культуры и особая политика как образ действий, которыми объясняются многие реальные исторические события прошлого и настоящего. С этой позиции объяснимо особое состояние русской ментальности, зафиксированное в русской художественной литературе и русской философии: противоречивость, двойственность русского национального характера, русский утопизм, вселенские проекты «Богочеловечества» и всеединства, система культурных координат, метрика социального пространства и навигация в нем.

В связи с этим встает традиционный русский вопрос: «Что делать?». И менее традиционный – «Как ответить на исторический вызов?». «Какие управленческие технологии необходимо создать и применить для выхода из кризиса?». Как позволяют судить то затихающие, то реанимируемые дискуссии в нашем обществе, надежды на преобразование русской жизни возлагаются в определенной степени на религию и церковь. Действительно, церковь стремится активно участвовать в современной жизни, стараясь придать динамично меняющемуся современному бытию хотя бы видимость устойчивости. Но является ли религия методом решения неразрешимых задач? Мало вероятно, что в современном десакрализованном обществе религия сможет стать доминирующей мировоззренческой мотивацией, основой результативных жизненных выборов. Стремление опереться на энергетику мифа в решении современных задач понятно, но мало продуктивно. Церковь и религия в наших условиях не только «два шага» назад, но и еще одна игра (и в этом плане утверждение ключевой мифологемы), имитация социальной активности, препятствующая решению реальных жизненных задач. Многочисленные примеры нам в избытке демонстрирует сегодня отечественная медиаиндустрия.

Обращение к опыту русских культурных революций особенно значимо в кризисных ситуациях глобального характера. Неоднократные попытки реформирования России с удивительным постоянством воспроизводят проблемы, которые они стараются разрешить. Складывается представление о существовании в русской культуре особой любви к неразрешимым задачам, к самой ситуации неразрешимости. В постановке таких задач проявляется бессознательное стремление ничего не менять, ничего не делать, причем при довольно напряженной, но нерезультативной активности. Неразрешимые задачи, интерпретируемые как непреодолимые трудности, становятся апологией бездеятельности, скрываемой за имитацией бурной активности или апатии, переживаемой как избранничество.

Но в русской культуре есть и другие примеры реализации энергии архетипа в продуктивном культурном творчестве. И самый знаковый пример – жизнь и деятельность М.В. Ломоносова, *изобретателя* социального лифта «светское образование», посредством которого существенно преобразилась топография русского пути. Созданный им Московский государственный университет стал реализацией проекта «русской школы», ответом на вызов модерна. В школе не только изучаются транскультурные научные истины-законы, но и создается культурный тип строителя, преобразователя и защитника жизни, опирающегося на законы. В этой конструктивной заботе о жизни преодолеваются детские страхи и мечты, исчезают фантомы и призраки. Рождается новый культурный инстинкт духовного здоровья и самосохранения, формируется потребность в культуре, порядке, законе, которые трактуются как средство защиты жизни и гарантия свободы. Созидающий труд на родной ниве преобразует и самого деятеля.

Для создания эффективных управленческих технологий необходимо не только четко представлять, что мы хотим построить, в каком обществе мы хотим жить, но и кто может выполнить эту миссию. Пора четко определиться, кто является нашим культурным героем: Михаил Ломоносов и Сергей Капица или Илья Обломов и Женя Лукашин? Актуальность этих вопросов задана очередным этапом выбора русского пути, активизацией поиска культурной идентичности. Следует осознать, что в глобальном мире вопрос о будущем России поставлен достаточно жестко. Либо Россия выживет, либо завершит свое историческое бытие. Эта ситуация заставляет разработать стратегический проект ответа на глобальный вызов без идеологических иллюзий и заклинаний, пристально взглянуть в собственное прошлое, в архитипические основы культуры. Стихия русской жизни губительна для самой России.

Особый путь или общий? Через сопоставление с другими осознается свое. Определение своеобразия культуры, страны и его оценка в качестве исторического преимущества – сильно различающиеся позиции. Определение культурного своеобразия стимулирует процессы самопознания и установку на культурный диалог. Поиски исторического преимущества, особой исторической миссии в значительной мере отвлекают от решения куда более прозаических, но насущных проблем выживания. Своеобразие является стимулом созидания, идея исключительности задерживает страну в состоянии архаики. Заведомо проигрышный проект. «Свой» путь, исключительно национально-культурный проект ведет страну к изоляции и реставрации архаических методов самозащиты и самоутверждения. В современном мире нужны другие, современные методы.

Культурологический анализ русской и европейской мифологием в современном контексте позволяет более глубоко обсуждать российскую идентичность, своеобразие русского человека, отношение к интеллигенции в России, которое, как отмечал Г.П. Федотов, часто делает ее представителями чужой культуры в своей стране. Как никогда такое исследование позволяет противостоять антиевропейским соблазнам, сделать должные выводы из опыта кризиса Европы, определиться с направлением «русского пути». Становится очевидным, что осознание уроков XX века, прогнозы и проекты будущего невозможны вне глубокого анализа именно проблем культуры. И взяться, наконец, за решение неразрешимых задач, но для этого необходимо сформулировать их в языке эпохи, эпохи становления информационного общества, *общества знаний*.

Список литературы:

1. Апинян Т.А. Сущностно-универсальное определение игры: феноменология фантома // Вопросы философии. М., 2008. № 2.
2. Бахтин М.М. Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990. С. 260.
3. Бердяев Н.А. Душа России // Русская идея. М., 1992.
4. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. М., 1993.
5. Логунова Л.Б. О пользе и вреде утопии для управления // Вестник Моск. Ун-та. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2006. № 4.
6. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М., 1992.
7. Петрунин Ю.Ю. Призрак Царьграда: неразрешимые задачи в русской и европейской культуре. М., 2006.
8. Сурин А.В. На пути к формированию науки управления. М., 2007.
9. Якимец К.И. Свое и чужое // Вопросы философии. 2003. № 11.
10. Якимович А.К. «Свой-чужой» в системах культуры // Вопросы философии. 2004. № 4.